

**РАЗДЕЛ II. КОМПЛЕКСНОЕ ПОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА**

**SECTION II. COMPLEX COGNITION OF THE MODERN
PERSON AND SOCIETY**

УДК 159.9.072.433

**ЕСТЬ ЛИ СЧАСТЬЕ В ЖИЗНИ У РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ
МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПОВТОРНОЙ ПАНДЕМИИ COVID-19?**

DOI: 10.25629/НС.2021.11.04

Донская О.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. С позиций социально-демографического анализа в настоящей статье выявлена специфика массовых представлений жителей Москвы и Московской области взрослого и пожилого возраста в контексте ощущения ими счастья. Анализу подвергнуты такие параметры как: психологическое и материальное благополучие и удовлетворённость жизнью; взаимосвязь счастья, субъективного благополучия, здоровья и удовлетворённости жизнью; социальные, демографические, семейные и возрастные аспекты в соотношении со счастьем; восприятие психологического благополучия и счастья; психологические и социальные особенности понимания людьми взрослого и пожилого возрастов того удовлетворены ли они своей жизнью и счастливы ли они в своей жизни. Таким образом, в данной статье, на текущем этапе повторной пандемии COVID-19, в контексте социально-психологических представлений респондентов о счастье, проанализированы социально-демографические параметры социальной выборки нашего эмпирического исследования, каковая представлена разными поколениями (35–54 и 55–75 лет) населения московской агломерации.

Ключевые слова: Московская агломерация, поколенческие группы, поколения, население, жители, 35–75 лет, счастье, жизнь, повторная пандемия COVID-19.

Введение

Актуальность этого исследования в том, что несмотря на рост бытового качества жизни, постоянное наращивание комплекса программ социальной поддержки, обеспечения трудовой занятости и т.п., количество взрослых и особенно пожилых людей, отмечающих неудовлетворённость жизнью растёт. Значительное число россиян подчёркивает своё негативное психологическое состояние, часто вкупе с низким материальным благополучием (Аргайл, 2003). В мировых социологических исследованиях по совокупным психологическим и материальным показателям счастья россияне стабильно занимают место в конце подобных рейтингов (Черныш, 2003). В кросс-культурных сравнениях российские респонденты намного чаще жителей многих других стран определяют себя «несчастливыми» (Шварц, 2008). Подобная внутренняя картина себя в мире плохо сказывается на психологическом здоровье, россияне чаще многих других граждан замечают у себя апатию, скуку и меланхолию как постоянно сопутствующие состояния (Черныш, 2003). Таким образом, социальная актуальность данного исследования объективно велика. Кроме того, у населения нашей страны бытуют представления о том, что жители Московского региона сплошь счастливые люди (Донцов, Перельгина, Сюткина, 2020). Мы посчитали актуальным изучить в этом контексте представления разных поколений жителей Московской агломерации о себе самих на этапе особого социально-экономического, соци-

ально-культурного и социально-психологического состояния нашего общества в период повторной пандемии COVID-19 (Асмолов, Иванников, Магомед-Эминов, Гусейнов, Донцов, Братусь, 2020; Баранова, Донцов, 2019; Донская, 2020).

Научная новизна исследования заключается в выделении структуры субъективных представлений о счастье у взрослых людей 35–54 лет и людей пожилого и старшего возраста, в возрасте от 55 лет до 75 лет, и выявлении различий в содержании базовых атрибутов счастья.

Краткий анализ литературы

Конечно, на данный момент, исследования счастья уже отмечены целым рядом научных работ, в силу увеличения интереса психологов к многоаспектной проблематике психосоциального благополучия людей (Левит, 2013; Леонтьев, 2011; Манукян, Трошихина, 2016; Шевеленкова, Фесенко, 2005). Однако, в большинстве случаев, из-за специфичности категории счастья, в подобных работах делается упор именно на субъективном или психологическом благополучии (Деменев, 2016, Леонтьев, 2011; Манукян, Трошихина, 2016). Мы полагаем, что в силу многогранности категории счастья нужно изучать психосоциальные вопросы смысла, качества и содержания счастья и делаем акцент на структуре представлений о счастье в обыденном сознании людей. При этом, по нашему мнению, в разных возрастах представления о счастье обуславливаются не только личностными факторами, как это преподносится в называемых таким наименованием личностных концепциях счастья (Левит, 2013; Леонтьев, 2011), но и системой социально-демографических и психосоциальных факторов (Dontsov, Zinchenko, Perelygina, Donskaya, 2019; Perelygina, Zotova, Donskaya, 2020; Zotova, Tarasova, Nikolaeva, Klimenko, Donskaya, 2019). Всё это составляет собою научную новизну в данном контексте (Донцов, Зотова, Тарасова, 2021).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты можно соотнести с прикладными психологическими техниками, направленным на терапию негативных проявлений психики, — депрессий, страхов, девиаций и т.д. (Аргайл, 2003). В данном ракурсе, как метко замечает М. Селигман, основоположник позитивной психологии, в русле которой имеют место исследования феномена счастья, — устранение неблагоприятных условий и факторов в жизни не подразумевает автоматическое появление благоприятных. Он пишет: «...если мы стремимся к процветанию и благополучию, страдания действительно нужно свести к минимуму, но, кроме того, в нашей жизни должны быть положительные эмоции, смысл, достижения и хорошие взаимоотношения с людьми» (Селигман, 2011, С. 70–71). Действительно, изучение того, что же психологически представляет собой счастье, каким является его субъективное содержание, — поможет существенным образом повысить эффективность самой позитивной психотерапии и других направлений психотерапии и психологического консультирования. В этом контексте эмпирический упор настоящего исследования на структуру представлений людей о счастье даёт качественно новые информационные возможности для расширения базовых принципов и методов в позитивной психотерапии в частности, и в психотерапии угнетённых состояний психики в целом (Селигман, 2011).

Цель исследования:

изучение психосоциального контекста структуры и содержания представлений о субъективном благополучии и счастье и социально-демографических параметров этих представлений в обыденном сознании разных поколений людей взрослого и пожилого возраста, проживающих в Московской агломерации.

Гипотезы

Эмпирические гипотезы исследования. 1) Существуют различия в представлениях о счастье у людей разных возрастов и поколений, населяющих Московскую агломерацию, выражающиеся в их социально-демографических характеристиках. 2) Удовлетворённость жизнью и отношение к счастью в своей жизни у данной социальной выборки не зависит от возраста, а проявляется в социально-психологических аспектах, обусловленных семейным положением и статусом, занятиями трудовой и досуговой деятельностью, материальным благополучием и физическим здоровьем.

Представленное в данной статье эмпирическое исследование проведено посредством социологического метода. Применена специально составленная для полноты социально-психологического обеспечения исследования авторская социально-демографическая анкета-опросник.

Социальная выборка и организация эмпирического исследования

В качестве эмпирической базы исследования выступила Российская выборка, население Московской агломерации. «Жители Московской агломерации» – это, в нашем понимании, население всего Московского региона: все жители так называемой Большой Москвы, включающей и т.н. Новую Москву, и все жители Московской области, – как ближнего Подмосковья, так и дальнего Подмосковья. Это, в нашем исследовании, – 226 человек (154 женщины и 73 мужчины) от 35 до 75 лет. Из них: 115 человек от 35 до 54 лет ($M = 37,83$; $SD = 7,14$), 73 женщины и 42 мужчины; и 111 человек от 55 до 75 лет ($M = 65,93$; $SD = 7,29$), 80 женщин и 31 мужчина. Респонденты были опрошены по авторской анкете, дистантно, посредством Интернет, в июне 2021 года. Распределение всех участников исследования по возрасту и полу приведено далее, в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение участников по возрасту и полу

возраст	от 35 до 54 лет	от 55 до 75 лет	всего
женский пол	73	80	153
мужской пол	42	31	73
Всего	115	111	226

Результаты и их обсуждение

Семейное положение «холост или разведён» встречается практически в два раза чаще в более молодой группе респондентов: 64 человека из данной группы по сравнению лишь с 28 людьми из старшей группы. Распределение респондентов по семейному статусу представлено здесь, далее, в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение участников по семейному положению

	от 35 до 54 лет	от 55 до 75 лет	Всего
холост/разведён	64	28	92
вдова/вдовец	2	28	30
женат/замужем	49	55	104
Всего	115	111	226

Заметим, что наше исследование прямо не подтвердило расхожую точку зрения о том, что семейные люди счастливее несемейных.

Обратившись к описанию состава семьи, мы отмечаем, что большинство респондентов (34,07%) совместно проживают со своими гражданскими супругами, без регистрации брака. Однако, при этом, существенное число респондентов постоянно проживают одни или вместе с детьми и внуками: 23,89% и 23,45%, – соответственно. Как видно на рисунке 1, – 18,58% респондентов постоянно проживают с иными родственниками.

Указанная конкретизация семейного статуса и семейной позиции (рис. 1) никак нам не помогла уточнить и конкретизировать то или иное влияние фактора семьи на рассматриваемые нами проблемы.

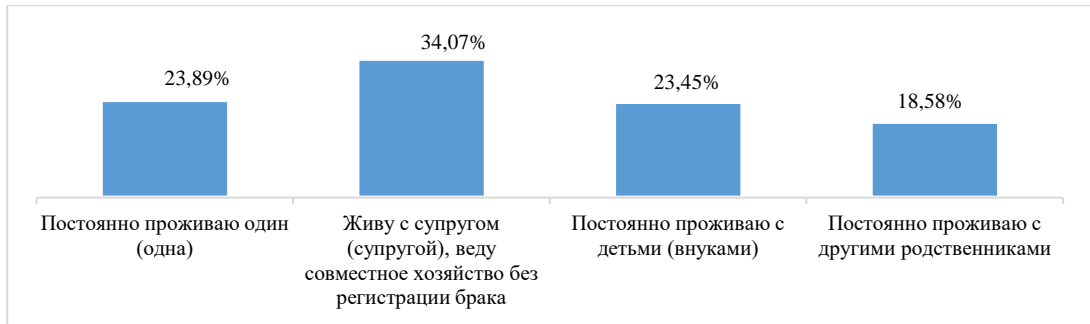

Рисунок 1 – Распределение респондентов по различному семейному проживанию

Основываясь на мнениях российских и западных исследователей о взаимосвязи счастья с рядом социальных факторов, мы обратились к анализу полученных результатов по вопросам, обрисовывающим степень и характер вовлечённости респондентов в трудовую и досуговую деятельность.

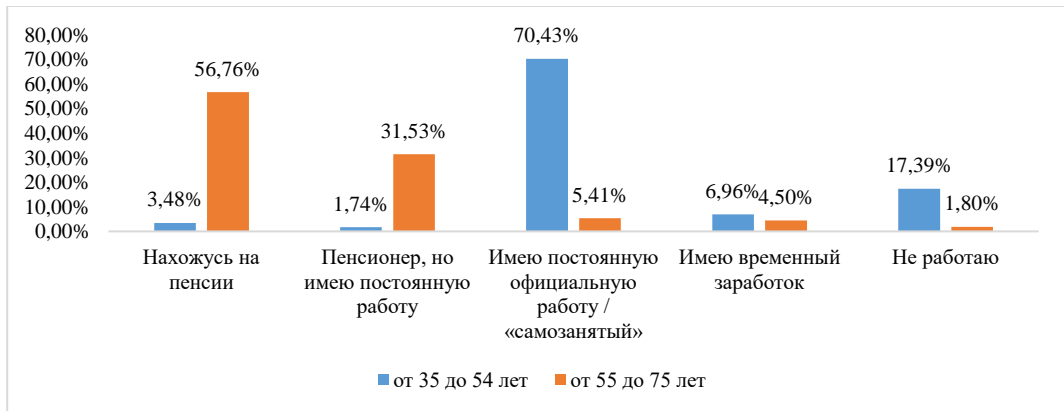

Рисунок 2 – Включённость респондентов в трудовую (рабочую) деятельность

Как видно по рисунку 2, большинство респондентов старшей группы, – 56,76%, не заняты какой-либо трудовой деятельностью. В младшей группе выборки достаточно явно выражено наличие постоянной работы или трудовой деятельности в качестве «самозанятого». Этот вариант в целом характерен для более чем 70% респондентов в возрасте от 35 до 54 лет и всего для порядка 5% респондентов старше от 55 до 75 лет. Интересно, что несмотря на преобладание в старшей возрастной группе неработающих пенсионеров, практически каждый третий (31,53%) в данной группе выборки осуществляет постоянную трудовую деятельность, что само по себе отображает довольно высокую степень социальной активности людей старшего возраста. Конечно, можно предположить, что это социальное явление имеет скорее вынужденный характер в силу, вероятно, недостаточного пенсионного обеспечения, нежели – добровольный. Однако, учитывая, что трудовая деятельность служит не только источником дохода, но и психологическим ресурсом для смысловой и ценностной сфер личности, можно предположить, что трудовая (производственная, рабочая) активность наших пожилых граждан обусловлена не только стеснёнными материальными обстоятельствами, но и социальной мотивацией, связанной с общением, желанием быть включённым в общественное взаимодействие, коммуникацию, интеракцию и социальную перцепцию.

Вовлечённость респондентов в социальные отношения отражается не только в описанных выше результатах осуществления рабочей деятельности (рис. 2). «Задействование» респондентов в дополнительных формах социальной активности и общественных отношений демонстрируют и следующие результаты занятий досуговой деятельностью (рис. 3).

Как видно по рисунку 3, 35,14% респондентов из пожилой группы имеют постоянные вне-рабочие увлечения. Учитывая, что всё перечисленные виды досуговой деятельности (рис. 3) носят активный и, так скажем, внедомовой характер, можно предположить, что они представляют собой отдельную постоянную статью расходов работающих пенсионеров. Однако, практически такое же число пожилых людей, – 36,04%, заявляют, что их досуговая деятельность, в существенно большей степени, представлена самостоятельно организованным ими досугом в пределах их дома. Тем не менее, в целом результаты по этим двум параметрам показывают достаточно высокую степень социальной активности и вовлечённости в различные виды и формы досуга среди пожилых людей (рис. 3).

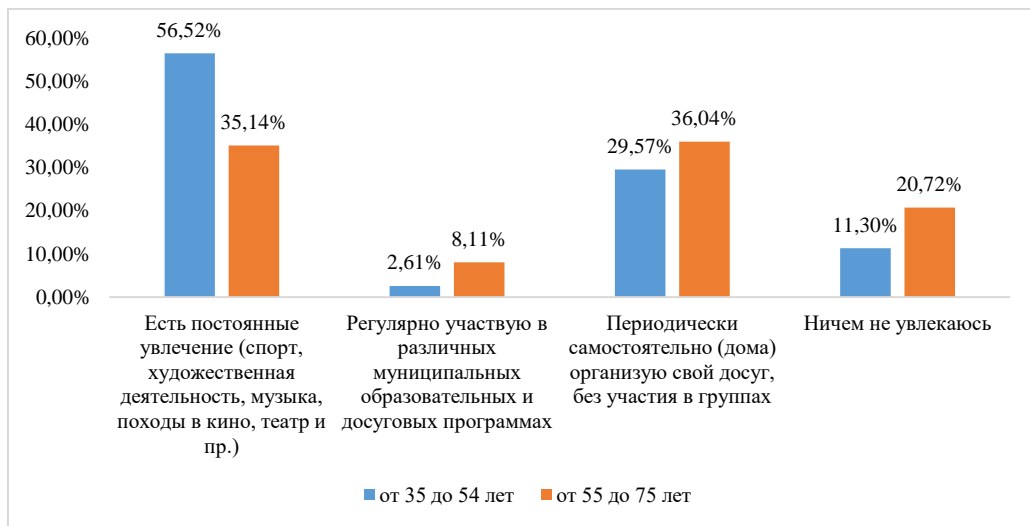

Рисунок 3 – Вовлечённость респондентов в досуговую деятельность

Обращает на себя внимание ещё один, на наш взгляд, важный аспект. Речь идёт о том, что очень незначительное количество пожилых людей, – 8,11% респондентов, регулярно участвуют в муниципальных досуговых и образовательных программах даже несмотря на то, что подобные программы полностью доступны в финансовом плане или вообще являются полностью бесплатными мерами государственной и городской социальной поддержки (рис. 3).

С учётом того, что все наши респонденты — жители экономически и социально развитого региона Москвы и Московской области, можно предположить, что такой низкий процент подобных ответов обусловлен не малой доступностью указанных социальных программ, а носит иной характер. Вероятно, это связано с тем, что сами по себе эти муниципальные программы, предназначенные для пожилых людей и людей старшего возраста, содержательно далеко не в полной мере отображают запросы и интересы данной возрастной группы (55–75 лет), что даёт основание для более детального анализа направленности самих упомянутых социальных программ. Именно слабый содержательный социальный смысл названных программ может являться и одной из причин самостоятельной организации значимой частью (36,04%) старшей группы нашей выборки своего досуга, как у себя дома, так и за его пределами (рис. 3).

В целом же результаты нашего исследования отношения респондентов старшего возраста к трудовой и досуговой деятельности фиксируют высокую вовлечённость пожилых людей в данные сферы социальной активности. Без сомнения, вовлечённость в досуговую и трудовую

деятельность обуславливает степень смысловой наполненности жизни и уровень психологического благополучия. Тем не менее, материальное благополучие также имеет очень важную роль в формировании общей картины удовлетворённости жизнью, отражаясь и на субъективной оценке собственного уровня счастья. В этой связи обратимся к результатам субъективной оценки респондентами уровня собственного материального достатка и благополучия (рис. 4).

Как видно из рисунка 4, представители обеих больших возрастных групп москвичей и жителей Подмосковья оценивают, в большинстве своём, свой собственный уровень материального достатка как средний. При этом представители младшей возрастной группы, среди которых, конечно, в разы больше активно работающих людей, – 70,43% (рис. 2), ожидаемо чаще демонстрируют высокий и очень высокий уровень материального достатка (рис. 4), который среди пожилой возрастной группы отсутствует в принципе. Наряду с этим, практически обратную ситуацию мы наблюдаем в параметрах «низкий» и «очень низкий» уровень достатка, который имеет место в оценке 14,41% людей старше 55 лет и у 1,74% процентов представитель другой возрастной группы соответственно (рис. 4).

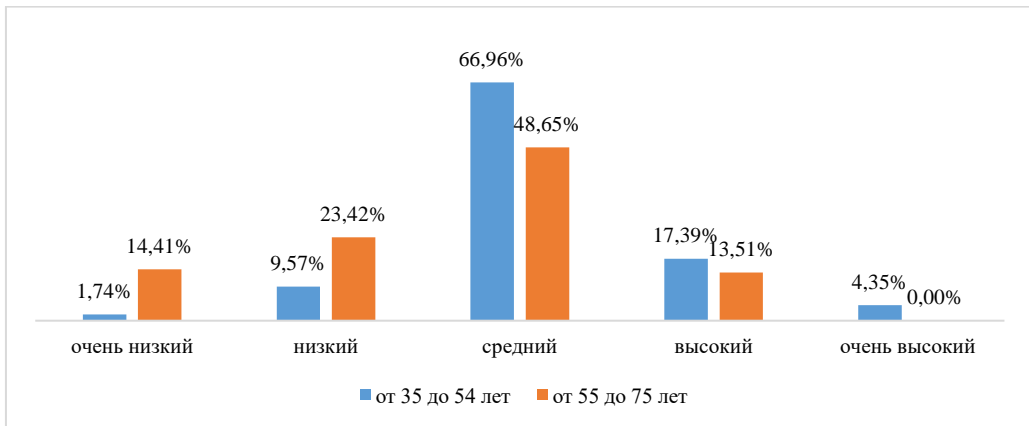

Рисунок 4 – Оценка респондентами своего уровня материального благополучия

Очень примечательно, что несмотря на более высокий уровень материального достатка в группе от 35 до 54 лет (рис. 4), респонденты этого возраста существенно реже определяют уровень собственного здоровья как средний (рис. 5), в отличие от людей старших возрастов (55–75 лет), в большинстве своём считающих именно так. Получается, что имеет место отсутствие пропорциональной взаимосвязи в оценке респондентами своих достатка и здоровья.

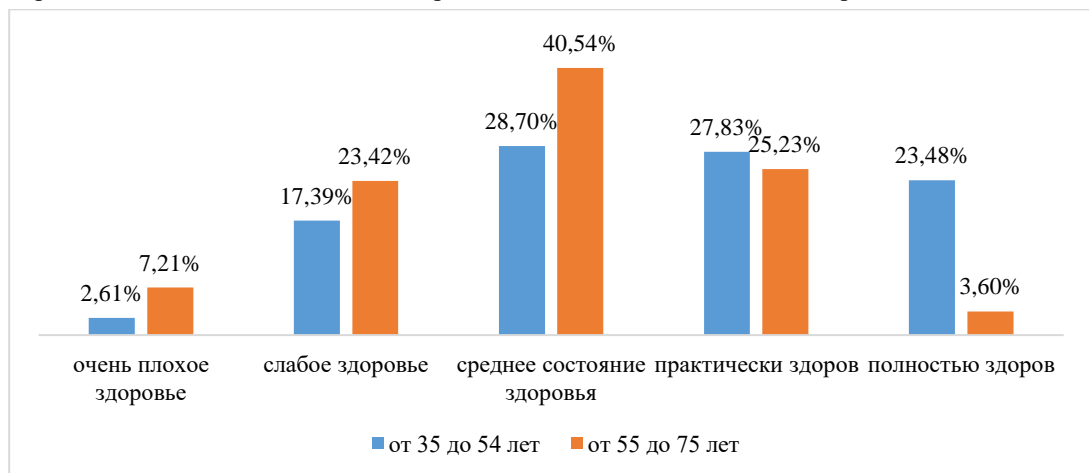

Рисунок 5 – Определение респондентами своего собственного здоровья.

Итак, как ясно из рисунка 5, 40,54% респондентов возрастной группы 55-75 лет отмечают у себя вполне удовлетворительный, средний уровень здоровья, наряду с 28,70% у младшей возрастной группы (35–54 года). 40,54% людей старших возрастов — это в данном случае очень знаковый показатель (рис. 5), особенно с учётом в принципе обратных показателей материального уровня жизни (рис. 4). Именно в этой связи обращает на себя внимание значительная разница оценки своего здоровья в данных группах выборки (рис. 5). Этот неожиданно разнящийся результат может свидетельствовать как о том, что многие богатые и молодые не считают себя достаточно здоровыми, так и о том, что далеко не все бедные и пожилые считают себя больными. Кроме того, этот показатель сам по себе и в совокупности с другими показателями по параметру «здоровье» (рис. 5) опровергает также весьма расхожее мнение о том, что все или почти все люди старших возрастов оценивают своё здоровье как плохое или слабое. В нашем исследовании таких респондентов отнюдь не большинство: 30,63% в совокупности (рис. 5). Этот результат в целом можно определить в качестве социального факта, информационно подтверждающего собою ту общую ситуацию, что уровень здравоохранения в Московской агломерации высок.

На рисунке 5 обращают, также, на себя особое внимание параметры «практически здоров» (минимальное различие у двух групп) и «полностью здоров» (значительный разрыв между группами). Последнее, наверное, закономерно, но при этом, особый интерес вызывает анализ этого результата в совокупности с наиболее положительным вариантом степени удовлетворённости респондентами жизнью (рис. 6), что, как раз, совсем не соответствует, опять же, расхожему мнению о несчастливых из-за вопросов своего здоровья пожилых людях, — особенно в совокупности с уровнем пусть и не максимальной, но принципиально довольно полной удовлетворённости своей жизнью в той же самой старшей группе респондентов: 19,82% и 18,92% соответственно (рис. 6).

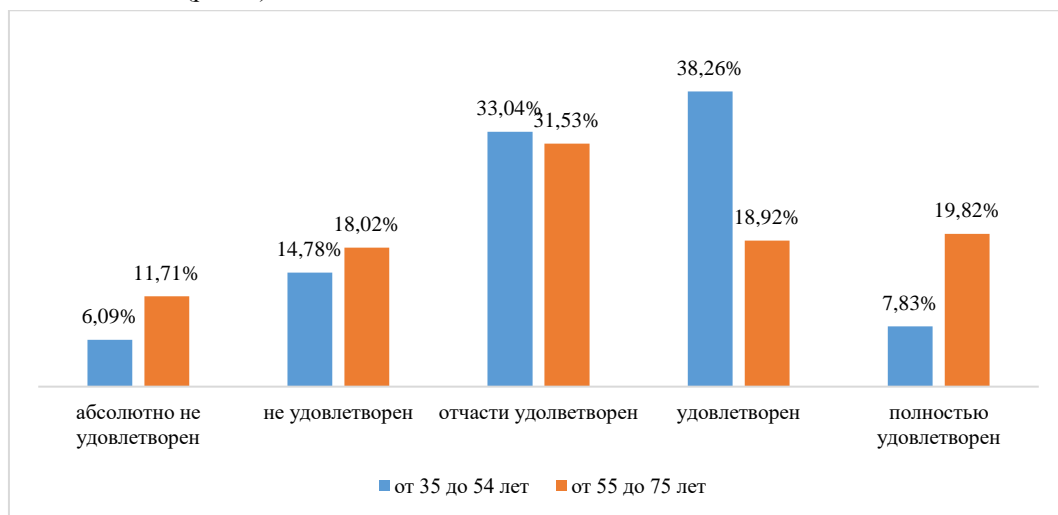

Рисунок 6 – Удовлетворённость респондентами своей жизнью

На рисунке 6 видно, что максимальную удовлетворённость жизнью показывают на 11,99% больше респондентов пожилого возраста в сравнении с более молодыми людьми (19,82% против 7,83%). Этот результат может подтверждать типичную социально-культурную точку зрения о мудрости людей старших возрастов относительно неидеализированного, а «опытного» определения ими полноты жизни и подтверждать культурно-социальный взгляд на то, что пройденный большой путь в жизни даёт веские психологические основания на то, чтобы полагать что жизнь действительно удалась. Таким образом, как видно по результатам, представленным на рисунке 6, 38,74% респондентов старшей группы 35–54 лет выразили практически полную удовлетворённость собственной жизнью, даже несмотря на более негативные оценки

своего уровня здоровья (рис. 5) и материального благополучия (рис. 4) по сравнению с более молодой группой 55–75 лет. Кроме того, что также ясно из рисунка 6, 46,09% респондентов младшей группы в совокупности тоже достаточно полно довольны своей жизнью. При этом обращает на себя внимание тот результат, что это совокупное значение всего на 7,35% больше такового в старшей возрастной группе, что в целом объясняется разрывом в 19,34% между группами, в пользу младшей группы, в показателе «удовлетворён» (рис. 6). Итак, как явствует из результатов, представленных на рисунке 6, младшие респонденты существенно более дифференцированы в своих оценках почти полной и совсем полной степени удовлетворения собственной жизнью, – 38,26% и 7,83% соответственно, в отличие от старших товарищей (соответственно 18,92% и 19,82%). Это может опять же свидетельствовать об известной большей умудрённости жизнью людей старших поколений. Наряду с этим, данный результат можно интерпретировать и как показатель большей смысловой близости между собою социальных аттитудов оценки своего удовлетворения жизнью у поколенческих групп пожилых людей, в сравнении с поколенческими группами более молодых людей. При этом, весьма вероятно, мы можем понимать всё это в контексте явственно меньшей дифференциации пожилыми респондентами психосоциальной оценки степени своего удовлетворения своей жизнью по сравнению с младшими товарищами. Таким образом, неожиданно проявляется результат и промежуточный вывод о явно меньшей смысловой дифференциации определения именно степени положительности, позитивности удовлетворения своей жизнью у более пожилых людей сравнительно с более молодыми. Наконец, надо обратить внимание и на очень схожий результат частичного удовлетворения жизнью у респондентов 35–54 лет и 55–75 лет: 33,04% и 31,53% (рис. 6). Этот факт тоже свидетельствует о том, что возраст не является решающим фактором в контексте удовлетворённости жизнью, что прямо подтверждает собою ряд наших гипотетических предположений.

Помимо этого, мы выявили то, что совокупный уровень достаточно положительной удовлетворённости жизнью («отчасти удовлетворён», «удовлетворён», «полностью удовлетворён») жителей московской агломерации взрослого и среднего возраста составляет 79,13% нашей выборки (33,04%, 38,26%, 7,83%), и пожилого и старшего возраста – 70,27% (31,53%, 18,92%, 19,82%). Этот психосоциальный факт говорит сам за себя то, что из всех лиц, составляющих собою нашу эмпирическую базу жителей Москвы и Московской области от 35 лет до 75 лет (см. в начале этой статьи табл. 1), почти три четверти от 35 до 54 лет и практически две трети от 55 до 75 лет удовлетворены своей жизнью на хорошем, позитивном уровне. Наряду с этим, как видно по представленным на рисунке 6 результатам, респонденты младшей возрастной группы сравнительно чаще выбирают промежуточные ответы, отображающие, при этом, в общем и целом, положительные оценки удовлетворённости собственной жизнью. Исходя из этого, можно предположить, что респонденты более младших возрастов несколько менее категоричны в собственных оценках удовлетворённости своей жизнью, так как в случае крайних вариантов на полюсах «абсолютно не удовлетворён» и «полностью удовлетворён», – наблюдается заметное процентное преобладание таких абсолютных оценок у пожилых людей из старшей возрастной группы: 11,71% на 6,09% и 19,82% на 7,83% соответственно (рис. 6). К сожалению, имеется и значимый совокупный результат неудовлетворения своей жизнью, – «абсолютно не удовлетворён» и «не удовлетворён», – выраженный в качестве 11,71% и 18,02% (в сумме 29,73%) у людей старших возрастов, и 6,09% и 14,78% (в сумме 20,87%) у младшей группы – соответственно (рис. 6). На этом основании можно сделать промежуточный вывод о повышении актуальности оказания экономической и, конечно, психосоциальной помощи всем, особенно пожилым, людям в настоящий период повторной пандемии COVID-19.

Далее мы подробно представляем собственно результаты субъективной оценки счастья в своей жизни разными поколениями жителей Московской агломерации 35–54 лет и 55–75 лет (рис. 7).

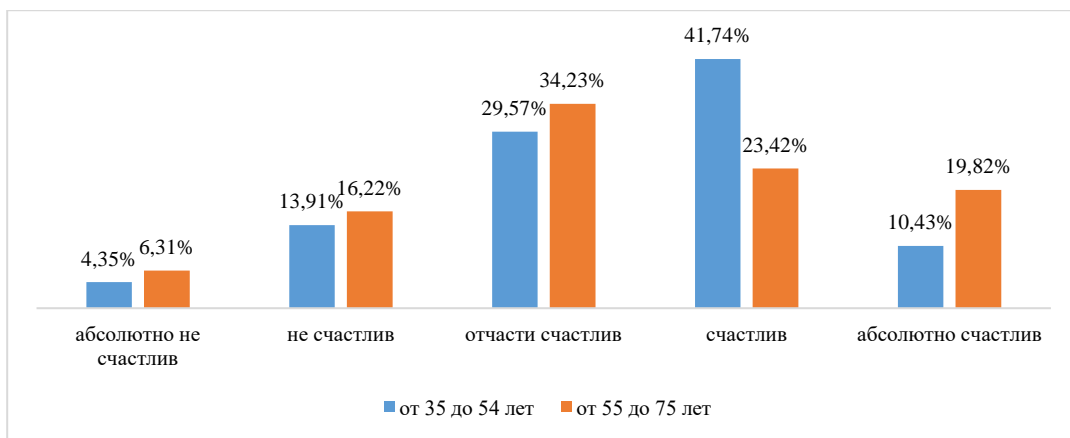

Рисунок 7 – Ощущение респондентами счастья в своей жизни

Очень интересная картина наблюдается на рисунке 7. Мы видим, с одной стороны, преобладание промежуточных положительных степеней выраженности счастья в младшей группе, а с другой — 10,43% и 19,82%, – вдвое меньший, причём практически на 10%, объём этих же самых респондентов, ощущающих себя целиком и полностью счастливыми, по сравнению со старшей группой. Наряду с этим, по рисунку 7 мы видим, что в принципе воспринимают себя счастливыми 41,74% респондентов младшей группы 35–54 лет и 23,42% представителей старшей группы 55–75 лет. Этот показатель достаточно существенно различается, – на 18,32%, в пользу младшей возрастной группы. Данное отличие может быть отчасти объяснено как раз довольно существенной совокупной разницей в возрасте у данных групп выборки (табл. 1), что противоречит нашим гипотезам и подчёркивает распространённое мнение о большем количестве счастливых людей более молодых возрастов в сравнении со старшими возрастами.

Таким образом, если суммировать сугубо позитивные степени ощущения счастья (рис. 7), то мы наблюдаем картину некоторого преобладания объёма такого состояния в младшей группе 35–54 лет: 41,74% счастливы и 10,43% абсолютно счастливы (в сумме 52,17%); сравнительно с 23,42% и 19,82% (в сумме 43,24%) в старшей группе 55–75 лет. Это всего на 8,43% больше в младшей группе, что можно отметить на уровне определённой психосоциальной тенденции, опять же отчасти подтверждающей сказанное здесь, выше, о том что люди более младших возрастов счастливее, но и, в связи с малой степенью данного различия, «лыющей воду на нашу мельницу» в том, что счастье не зависит от возраста.

Довольно примечательна степень выраженности «отчасти счастлив» (рис. 7), представленная у 29,57% и 34,23% соответственно у младшей и старшей групп выборки, которая на 4,66% больше именно у старшей возрастной группы, и в целом составляет добрую треть в старшей группе и приблизительно около трети в младшей группе. Это тоже можно объяснить уже упоминавшейся нами мудростью старших поколений, которые понимают толк в жизни и потому полагают себя как минимум отчасти счастливыми, пусть и не имея в жизни всё желаемое.

Итак, если же подсчитать совокупное количество всех представленных положительных уровней восприятия счастья в своей жизни у респондентов обеих групп, в общем и целом, то мы увидим (рис. 7), что отчасти счастливы 29,57% и 34,23% (близкие значения), а просто счастливы и совсем счастливы 52,17% и 43,24% (тоже рядоположенные значения) респондентов младшей и старшей возрастных групп соответственно. В целом и общем всё это составляет 81,4% и 77,47%, – что является сопоставимыми значениями, которые могут свидетельствовать о вполне значительном и объёме положительного определения себя как счастливого человека у очень значимой доли наших респондентов 35–75 лет. Это примерно почти что три четверти младшей (35–54 года) и заметно более чем две трети старшей (55–75 лет) возрастных и поко-

ленческих групп нашей социальной выборки. На данном основании мы можем говорить о явном большинстве среди наших респондентов людей всех возрастов, считающих себя счастливыми и определяющих свою жизнь как в общем счастливую.

Наконец, совокупная доля всех наших респондентов, полагающих себя не счастливыми и совсем не счастливыми (рис. 7), всего, соответственно, 13,91% и 4,35% в младшей и 16,22% и 6,31% в старшей возрастных группах, соответственно. В сумме это составляет 18,26% и 28,84%, – соответственно в младшей и старшей группах выборки жителей Московской агломерации. Это достаточно много, к сожалению, по количеству, и довольно социально значимо, особенно для людей старших возрастов и поколений. Исходя из этого нам представляется очень важным развитие полномасштабной, развёрнутой, максимально доступной государственной системы дистанционной психологической помощи населению, что на современном этапе повторной пандемии COVID-19 приобретает особую психосоциальную актуальность, к большому сожалению уже для всех возрастных групп населения от 35 лет и старше, хотя остаётся особо значимым для людей пожилых поколений 55–75 лет и старше.

Выводы

1. Наше исследование не подтвердило распространённое мнение о том, что семейные люди счастливее несемейных (табл. 2), по крайней мере на примере населения Московской агломерации.

2. Особенности семейного статуса и семейной позиции (рис. 1) тоже не имеют по результатам нашего исследования взаимосвязи со степенью ощущения жителями Московской агломерации 35–75 лет счастья в своей жизни.

3. Несмотря на преобладание в старшей возрастной группе 55–75 лет населения Московской агломерации неработающих пенсионеров, практически треть (31,53%) этих людей осуществляют постоянную трудовую деятельность (рис. 2), что подчёркивает довольно высокую степень социальной активности людей старшего возраста нашей выборки.

4. Чуть более трети (35,14%) респондентов из пожилой группы имеют постоянные внерабочие увлечения (рис. 3). При этом совсем малое количество пожилых людей (8,11%) старшей группы выборки жителей Московской агломерации регулярно участвуют в муниципальных досуговых и образовательных программах, что, вероятно, показывает надобность их модернизации в целостном контексте современных реалий повторной пандемии COVID-19, путём развития их интерактивных дистантных форм.

5. В целом результаты нашего исследования занятий респондентов старшего возраста трудовой и досуговой деятельностью фиксируют высокую вовлечённость пожилых людей нашей выборки в данные сферы социальной активности (рис. 2 и 3). Несомненно, это позитивно обуславливает степень смысловой наполненности жизни и уровень психологического благополучия старших поколений населения Московской агломерации.

6. Представители обеих больших возрастных поколенческих групп Москвичей и жителей Подмосковья 35–54 лет и 55–75 лет оценивают, в большинстве своём, свой собственный уровень материального достатка как средний (рис. 4). При этом степень материальной обеспеченности у жителей Московской агломерации прямо не влияет на выраженность ощущения ими счастья в своей жизни, согласно нашему исследованию.

7. При том, что более высокий уровень материального достатка имеет место в группе выборки от 35 до 54 лет, респонденты этого возраста существенно реже определяют уровень собственного здоровья в качестве среднего, в отличие от людей старших возрастов (рис. 5). Наряду с этим, наши результаты показывают, что 40,54% респондентов возрастной группы от 55 до 75 лет отмечают у себя вполне удовлетворительный, средний уровень здоровья, наряду с 28,70% этого же показателя у младшей возрастной группы (рис. 5). Кроме того, мы не выявили взаимосвязи субъективных оценок нашими респондентами степени своего здоровья и восприятия ими себя счастливыми людьми.

8. Мы выяснили, что совокупный уровень достаточно положительной удовлетворённости жизнью («отчасти удовлетворён», «удовлетворён», «полностью удовлетворён») жителей Московской агломерации взрослого и среднего возраста составляет 79,13% нашей выборки (33,04%, 38,26%, 7,83%), и пожилого и старшего возраста — 70,27% (31,53%, 18,92%, 19,82%). Этот факт подтверждает то, что из всей нашей эмпирической базы жителей Москвы и Московской области от 35 лет до 75 лет, почти три четверти лиц от 35 до 54 лет и практически две трети лиц от 55 до 75 лет удовлетворены своей жизнью на хорошем, позитивном уровне. При этом мы выявили, что у наших респондентов возраст в принципе не является определяющим фактором их удовлетворённости жизнью, что подтверждает собою наши гипотезы.

9. Все положительные степени отношения к счастью, — «отчасти счастлив», «счастлив», «абсолютно счастлив», в своей жизни у младшей (35–54 года) и старшей (55–75 лет) поколенческих групп населения Московской агломерации составляют, последовательно: 29,57% и 34,23%; 41,74% и 23,42%; 10,43% и 19,82%; 52,17% и 43,24%. Вкупе эти значения составляют 81,4% и 77,47%, — что сопоставимо друг с другом и обоснованно подчёркивает собой очень значительный объём позитивного отношения к своей жизни как к счастливой у явного большинства наших респондентов, — это почти что три четверти младшей и заметно более чем две трети старшей поколенческой группы. В связи с этим мы можем утверждать то, что счастье точно есть в представлениях о своей жизни у разных поколений жителей Московской агломерации и в период повторной пандемии COVID-19!

Заключение

Наши основные гипотезы (см. в начале статьи) об отсутствии взаимосвязи у представителей Московской агломерации разных возрастных поколений степени ощущения ими счастья в их жизни и их возраста практически полностью подтверждены. С позиций социально-психологического анализа проблемы интересно и примечательно то, что когда затрагивались более формальные и объективные параметры: наличие работы, досуга, уровень материального достатка, состояние здоровья, то самые категоричные положительные оценки, в целом, преобладали в суждениях респондентов 35–54 года, а крайне негативные — у лиц 55–75 лет.

При этом, при оценивании таких комплексных и субъективных вопросов и категорий, как удовлетворённость собственной жизнью и уровень счастья в своей жизни, имеет место обратное, — в объёме максимальных положительных оценок явно больше доля респондентов 55–75 лет. Итак, мы выявили, что при оценивании удовлетворённости своей жизнью и уровня счастья в ней, почти все лица, включая поколенческую группу 35–54 года, а в особенности — лица поколенческой группы 55–75 лет, — в сравнительно малой степени ориентируются на свои формальные, материальные и социальные характеристики, что, таким образом, в общем не подтверждает наши предположения об обуславливающих эти социально-психологические оценки удовлетворения жизнью и наличия в ней счастья социально-демографических аспектах семейного положения и статуса, включённости в трудовую и досуговую деятельность, материального благополучия и физического здоровья.

Кроме того, подчеркнём достаточно высокую степень разнообразной социальной активности многих именно пожилых людей нашей выборки, знаковая доля которых имеет и постоянную работу. В этой связи особо отметим, что даже несмотря на отсутствие у также значимой доли лиц в нашей выборке людей старшего возраста постоянного дохода и работы, эта часть данной выборки также довольно активна социально. Помимо этого, заметим, что различная социальная активность многих лиц 55–75 лет в большей мере выражается в их вовлечённости в разную досуговую деятельность, организуемую ими самостоятельно, а не производящуюся ими в рамках имеющихся государственных социальных программ.

Наконец, заметим, что при определённой склонности людей старших возрастов к более негативной оценке собственного здоровья и материального благополучия, — по сравнению с лицами 35–54 года, старшие поколения проявляют, в целом, выраженную тенденцию к положительной оценке уровня удовлетворённости своей жизнью и степени счастья в ней. Этот пси-

хосоциальный феномен позволяет предположить наличие многомерных социально-личностных психологических категорий (экзистенциальных, ценностных и т.п.), лежащих в основе представлений о счастье у людей старших и младших поколений, – категорий даже более значимых чем состояние здоровья, материальный достаток и семейное положение.

Библиография

1. Аргайл М. Психология счастья. – 2-е изд. / М. Аргайл. — СПб.: Питер, 2003. – 271 с.
2. Асмолов А.Г., Иванников В.А., Магомед-Эминов М.Ш., Гусейнов А.А., Донцов А.И., Братусь Б.С. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения / А.Г. Асмолов, В.А. Иванников, М.Ш. Магомед-Эминов, А.А. Гусейнов, А.И. Донцов, Б.С. Братусь // Человек, 2020. Т. 31, № 4. – С. 7–40.
3. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп / В.А. Баранова, А.И. Донцов // Социальная психология и общество, 2019. Т. 10, № 2. – С. 29–46.
4. Деменев А.Г. Эвдемонистические и гедонистические теории в современных исследованиях счастья / А.Г. Деменев // Вестник ВГУ. Серия: Философия, 2016. № 4. – С. 15–23.
5. Донская О.А. Почему пожилые люди счастливее? / О.А. Донская // Трансформация психологической безопасности личности и общества в период пандемии: материалы региональной научно-практической конференции молодых учёных. 2020. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020. – С. 142–147.
6. Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В. Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России / А.И. Донцов, О.Ю. Зотова, Л.В. Тарасова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2021. Т. 18, № 2. – С. 422–444.
7. Донцов А.И., Перельгина Е.Б., Сюткина Е.Н. Проблема институционального доверия в условиях пандемии / А.И. Донцов, Е.Б. Перельгина, Е.Н. Сюткина // Безопасность личности и общества в условиях нового кризиса, материалы XI Международного симпозиума. – Екатеринбург: АНО ВО «Гуманитарный университет», 22–23 июля 2020. – С. 25–29.
8. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Педагогическое образование в России, 2013. №1. – С. 102–111.
9. Личностный потенциал: структура и диагностика. / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 680 с.
10. Манукян В.Р., Трошихина Е.Г. Современные психологические концепции благополучия и зрелости личности: области сходства и различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2016. Вып. 2 (26). – С. 77–85.
11. Селигман М. В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день / М. Селигман. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2011. – 317 с.
12. Черныш М.Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе / М.Ф. Черныш // Социологическая наука и социальная практика, 2019. Том 7, № 2. – С. 9–33.
13. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 5, № 2, 2008. – С. 37–67.
14. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности / Т.Д. Шевеленкова, Т.П. Фесенко // Психологическая диагностика, 2005. № 3. – С. 95–121.
15. Dontsov A.I., Zinchenko Yu.P., Perelygina E.B., Donskaya O.A. The relationship between vectors of psychological security and identity continuity / A.I. Dontsov, Yu.P. Zinchenko, E.B. Perelygina, O.A. Donskaya // PSYRGGU 2019. Psychology of subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences. EpSBS. Vol. 64, 2019. – P. 123–129.

16. Perelygina E.B., Zotova O.Yu., Donskaya O.A. Trust and subjective wellbeing as predictors of psychological security of personality / E.B. Perelygina, O.Yu. Zotova, O.A. Donskaya // PSYRGGU 2020. Psychology of Personality: Real and Virtual Context// The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences. EpSBS. Vol. 67, 2020. – P. 601–608.

17. Zotova O.Yu., Tarasova L.V., Nikolaeva T.N., Klimenko V.A., Donskaya O.A. Procrastination as a factor of avoiding threats to subjective wellbeing / O.Yu. Zotova, L.V. Tarasova, T.N. Nikolaeva, V.A. Klimenko, O.A. Donskaya // PSYRGGU 2019. Psychology of subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences. EpSBS. Vol. 64, 2019. – P. 809–815.

IS THERE HAPPINESS IN LIFE FOR DIFFERENT GENERATIONS OF RESIDENTS MOSCOW METROPOLITAN AREA IN THE PERIOD OF THE REPEATED COVID-19 PANDEMIC?

DOI: 10.25629/HC.2021.11.04

Donskaya O.A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. From the standpoint of socio-demographic analysis, this article reveals the specificity of the mass perceptions of adults and the elderly in Moscow and the Moscow region in the context of their feeling of happiness. The following parameters were analyzed: psychological and material well-being and satisfaction with life; the relationship between happiness, subjective well-being, health and life satisfaction; social, demographic, family and age aspects in relation to happiness; perceptions of psychological well-being and happiness; psychological and social characteristics of understanding by people of adult and elderly ages whether they are satisfied with their lives and whether they are happy in their lives. Thus, in this article, at the current stage of the repeated COVID-19 pandemic, in the context of the socio-psychological perceptions of respondents about happiness, the socio-demographic parameters of the social sample of our empirical study, which is represented by different generations (35-54 and 55-75 years) of the population of the Moscow agglomeration.

Key words: Moscow agglomeration, generational groups, generations, population, residents, 35-75 years old, happiness, life, repeated COVID-19 pandemic.